

**Дневник экспедиции в с. Бобоштицу,
округ Корчи, Албания**

С 17 по 20 мая я ездил в село Бобоштицу для работы по Программе ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика» (рук. Т.В. Цивьян). В моих планах были беседы с жителями села, в основном со славянами, об истории их семей — мемуары; запись фольклора и материалов для описания славянского диалекта села (*jazikot kajnas*, в русском тексте я использую термин «кайнас»), а также фиксация возобновленного 10 лет назад сельского праздника *Rosice* (празднуется на 25 день после Пасхи). Для сбора фольклора и языковой информации были использованы фрагменты программ МДАБЯ (лексической, синтаксической и этнолингвистической). Двигался я по следующему маршруту: Москва — София — Скопье — Охрид — Св.Наум/Тушемишт — Поградец — Корча — Бобоштица. Этот дневник я вел по горячим следам, каждый день. Перед публикацией он был немного отредактирован, и всё же его цель — представить мои самые первые и самые яркие впечатления от поездки в с. Бобоштицу. Поэтому менее существенные вещи сокращены, более существенные выведены на первый план. Жанр интернет-публикации предполагает бóльшую оперативность, в чём-то меньшую точность (поскольку во имя того, чтобы сохранить наиболее яркое, я не хотел бы тратить время на дополнительную проверку некоторых фактов, которые узнал с чужих слов), и более ясно выраженную ориентированность на диалог с читателем (оттого и язык дневника не полностью соответствует канону научной работы). Это скорее длинная запись в блоге, чем научная статья. Однако с научной публикацией настоящую работу роднит ее «целевая» аудитория — те, кто занимается Балканами, мои друзья и коллеги.

По структуре островной славянский диалект села Бобоштица наиболее близок преспанским и костурским македонским диалектам. В речи одного носителя могут использоваться сразу несколько названий: *jazikot kajnas* или *kajnas jazik* 'язык, как у нас' (чаще всего), 'наш язык', «македонский», «болгарский» или «славянский». Французский исследователь М. Куртьяд на основе сопоставления списка Сводеша с кайнас, болгарском и македонском литературном языках считает, что кайнас следует признать отдельным южнославянским языком (Courthiade 1993: 323). На мой взгляд, при определении статуса идиома следует принимать во внимание также социоллингвистические факторы (чего не делает М. Куртьяд). Кайнас является функционально ограниченным идиомом — он используется в ограниченном количестве коммуникативных ситуаций, уступая значительную часть функций албанскому языку. Письменность на нем существует в крайне ограниченной форме. Этническая самоидентификация носителей идиома размыта: они противопоставляют себя албанцам и аромунам (по языку и по статусу автохтонов в селе), но затрудняются в определении своей этнической принадлежности (болгары/македонцы/славяне/албанцы¹). Кайнас оторван от основной территории распространения славянских говоров, являясь, таким образом, островным идиомом. Поэтому я определяю кайнас как островной славянский говор, без указания его языковой принадлежности. При сравнении его с болгарским и македонским литературными языками слово «литературный» в их обозначении для краткости пропускается.

Многие фрагменты языковой системы кайнас являются исключительно архаичными на фоне соседних славянских говоров. Так, кайнас сохранил носовые **o* и **e* (в виде *a/ъ + m/n*, *e +*

¹ «Мы албанцы, просто говорим по-славянски», — можно иногда услышать от славяноязычных жителей села.

m/n, ср. *sika ima bandjeno* ‘так это было’; *pendese* ‘пятьдесят’), праславянское *ě (на современном этапе развития диалекта звучит как [ɛ]: *bjel* ‘белый’, *neš* ‘что-то’. На морфологическом уровне обращают на себя внимание остатки системы склонения (*detetómu* ‘ребенку.Dat’; *ot detjato* ‘ребенка.Gen’; *na zborot* ‘слову.Dat’ или ‘слова.Gen’; *Mazona* ‘Мазона.Gen’). В области глагольной системы кайнас сохраняет сложную видо-временную систему (аорист, имперфект, *иметь*-перфект), будущее образуется при помощи частицы, восходящей ко глаголу со значением «хотеть». Несвидетельские формы в говоре до сих пор не были зарегистрированы; исследователи отмечают только адмиративные *л*-формы, используемые в клишированных местах текстов.

Для фонетической записи я использую латиницу, продолжая уже сложившуюся в описании говора в трудах А. Мазона (Mazon 1936), М. Куртьяда, К. Штайнке и Дж. Юллы (Steinke, Ylli 2007) и других исследователей академическую традицию. Кириллица знакома носителям говора в ограниченном объеме: например, для моей хозяйки было сложно прочитать небольшую заметку на болгарском языке, которую ей прислала из Софии Л. Антонова-Василева (Антонова-Василева 2009: 16), хотя эта заметка почти наполовину состояла из развернутых цитат из устава общественной организации «Кайнас» (села Бобоштица и Дреново, округ Корчи, Албания), написанном на кайнас. Однако на слух она ее прекрасно поняла (за исключением нескольких слов, для которых понадобился мой комментарий). При записи носители диалекта используют албанскую латиницу.

17 мая

В 7.00 утра я выехал из Софии на автобусе и уже к 10.30 по македонскому времени был в Скопье. Обращает на себя внимание большое количество иностранных туристов в Македонии — и в Скопье, и на побережье Охридского озера: и немцы, и голландцы, и американцы, и китайцы с японцами. Накануне парламентских выборов по всей стране сотни плакатов, граффити. Что касается флагов, то постоянно присутствуют, в независимости от выборов, македонский государственный, «звезда из Кутлеша» (флаг Македонии с 1991 по 1995 гг.) и албанский (в Северо-Западной и Западной Македонии, прежде всего в Скопье, Тетово и Гостиваре), а также красно-черный флаг ВМРО (Внутренней македонской революционной организации).

Из Скопье в 14.00 я выехал на автобусе в Охрид, и уже в 17.20 был там. В 18.30 оттуда выехал на комби в Св. Наум, по дороге познакомился с Ристе — македонцем, который сейчас живет в Корче (родом он из Преспы). Ему 65 лет; и его дети и внуки говорят на македонском. Причем, он говорит достаточно правильно на литературном языке. Преспанским македонцам Македония выдала паспорта, так что теперь у них двойное албанско-македонское гражданство. Я обратил внимание, что с македонским пограничником он разговаривал по-албански. До границы мы с Ристе говорили по-македонски, а на границе он сказал: теперь давай будем говорить только по-албански. Так мы и сделали — только в некоторых случаях, когда я не мог ясно сформулировать вопрос на албанском, мы переходили на македонский.

От границы до Поградеца на такси — 700 левов. Поскольку мой новый знакомый взял на себя договор с таксистом, я не вдавался в подробности, а просто предложил разделить расходы пополам. Однако на обратном пути я понял, что я заплатил за этот отрезок пути в 2,5-3 раза больше, чем было надо: очевидно, Ристе проехал за мой счет, а шофер взял с меня дополнительную комиссию.

В Поградце сразу (было около 19.10 вечера) сел в маршрутку и поехал в Корчу, минут за

сорок доехал и там взял такси за 500 левов до Бобоштицы. Таким образом, вся дорога от Софии до Бобоштицы заняла у меня световой день, с семи утра до восьми вечера (плюс один час разницы между часовыми поясами).

В Бобоштице я поселился у моей информантки Э. (1936 г.р., род. в Бобоштице, см. видео: <http://www.youtube.com/watch?v=vbiDMGG9aTs&feature=feedlik>). У нее большой дом в центре села. Дому 130 лет, он в два раза старше своей хозяйки. Скрытый за высокой каменной стеной, он похож на крепость — а в сущности, это и есть маленькая крепость. Слева от ворот в кладке укреплен *karsteni kamen* ('крещеный камень'; Э. сообщила также албанский перевод: *guri i pagëzim* 'то же'), на котором указан год и месяц, когда его освящали (август 1882 г.). На

картинке вид с северной стороны; развалина из кирпичей и поленица на переднем плане не имеют отношения к участку Э., но с других сторон к нему просто не подступиться, так как его скрывают другие дома. Справа от дерева выбеленная стена с дверью, которая ведет в прохладный и тихий палисадник перед входом в дом.

Вечером мы с Э. долго разговаривали. Она рассказала, что ее младший брат Андреа был заместителем управляющего машиностроением Албании, учился в России, ездил по Европе, много раз был в Китае. В Москве он познакомился с русской девушкой, ее звали Люба Шишкина (Э. произносила ее имя как [l'ɯba iʃiʃkiɲa], с протетическим *i*). В первый раз он приехал домой без нее и очень тосковал: сидел у стола и пел «Подмосковные вечера». Мать спросила его, почему он так грустит: если он оставил в Москве любимую девушку, то ему надо уехать туда и жениться на ней. И в следующий свой приезд он женился и привез ее в Бобоштицу. У них было двое детей: Спартак и Наташа. Люба была очень работящей и всегда готовила много. В Москве остались родственники Любы, но с ними нет никакой связи, и Э. не знает, что с ними сейчас.

В разговорах о русских в Албании постоянно возникают две темы: разрыв отношений с СССР и последовавшее за ним интернирование многих русских и тема языка. Брат Э. Андреа был расстрелян по доносу, а Любу отправили на поселение на побережье Адриатики (место так и называлось — *Adriatiku*). Андреа предал его друг: их посадили в одну камеру, и тот выспросил у Андреа всю подходящую для обвинения информацию. Другу грозило 25 лет, но он вышел уже через три месяца, а Андреа расстреляли. Люба долгое время жила в *Adriatiku*, а после политических изменений в Албании ей дали квартиру в Тиране, где она и умерла несколько лет назад. Э. сказала, что той ветви рода, которая осталась в Бобоштице, пришлось выбирать, с какой из семей общаться — с семьей осужденного Андреа или с семьей благополучного Тодора. Конечно, выбор не мог быть иным — они поддерживали отношения с теми, кому больше всего была нужна поддержка.

О расстреле Андреа Э. узнала только два года назад, а до этого не было никакой информации. В большой комнате на первом этаже висит фотография Андреа, сделанная в Москве — на ней он широко улыбается, а на голове у него русская меховая шапка. Люба дожила до демократических изменений и умерла несколько лет назад. В селе жили и другие русские жены: Мария и Зоя. В Корче до сих пор есть русская учительница математики Валя, которая живет в Албании уже несколько десятков лет. Мария тоже была интернирована. По словам Э., только Зоя и оказалась шпионкой, но она вовремя уехала в Ленинград. Валя не была интернирована и даже сохранила работу в школе. «На каком же языке Вы разговаривали с Любой?» — спросил я Э. Оказалось, что Люба довольно быстро выучила албанский и говорила на нём, хотя и с акцентом: по словам Э., у нее были проблемы с ударением (алб: *me theksi*). На албанском она разговаривала и со своими детьми.

18 мая

Праздник Росице — женский, и мужчины не участвуют в нем активно. Основное обрядовое действие — обход села с песнями и благопожеланиями, собрание угощений и продуктов для обрядовой трапезы и сама трапеза, которая проводится на следующий день. Первоначальная цель праздника — призывание дождя (таким образом, он родственен Пеперуде/Додоле). Описание праздника в Бобоштите в период между двумя мировыми войнами сделано А. Мазоном (Mazon 1936: 355; он использовал также материалы из Дреновене). Праздник прекратил свое существование вскоре после установления коммунистического режима в Албании и был возобновлен инициативной группой жительниц села в 2001 г. Как они сами говорят — на основе воспоминаний детства и описания, сделанного А. Мазоном. Э. показывала мне старые фотографии, в том числе и ту, на которой изображена группа девушек в традиционных костюмах во время празднования Росице. Среди них и мать Э. в юности (фотография относится приблизительно к концу 20-х годов. Э. комментировала это так: как наши матери отмечали этот праздник, так его теперь отмечаем и мы).

В первый день в 10 утра женщины идут в церковь, обходят село и готовят обрядовые блюда для торжественной трапезы, а на второй день около часу дня происходит сама трапеза. Кроме того, если в первый день в празднике участвуют только те, кто постоянно живет в селе, то во второй день приезжают их родственники из Корчи и из Тираны.

Праздник начался в среду (в церковном календаре он соответствует Преполовению Пятидесятницы, которое всегда происходит в среду, на 25 день по Пасхе, но поскольку Пасха — подвижный праздник, то и Преполовение в разные годы приходится на разные числа) в 9 утра со звона церковного колокола в церкви св. Марии (алб: *Shën Maria*). Около 10 часов бобоштенки стали стягиваться к церкви, собираясь группами по селу.

Соседка Э. несла магнитофон, на котором проигрывались в случайном порядке современные музыкальные композиции на фольклорные темы (среди исполнителей в основном была представлена группа *Ali Pashë Terelena*). За группой женщин, среди которых была и Э., следовал волынщик (алб: *gajdexhi*), заглушая своей волынкой звук магнитофона, но участниц это нисколько не смущало. У церкви их уже ожидала небольшая группа, которая пришла чуть раньше. Все поприветствовали друг друга (в этот день используется обычное албанское праздничное приветствие: *Gëzuar*, причем не уточняется, с каким праздником поздравляют — это и так подразумевается).

Всего у церкви собралось около 15 человек. Все в праздничной одежде; некоторые в «народной», хотя этот наряд не следовал никакому определенному образцу: домотканое платье, вышитый передник, шерстяные носки, жилетка; наличие или отсутствие одного или нескольких элементов, их цвет и фасон не играли никакой роли, что можно увидеть на фотографии. Эту одежду можно определить скорее как «условно народную», чем как традиционный костюм села. Кое-кто носил праздничный брючный костюм. В

основном участницы обряда были пожилого возраста, но были также женщины средних лет и пришли также две девушки, их родственницы: они были одеты в обычную, «городскую» одежду.

В обряде участвуют только женщины из славянских семей Бобоштицы (алб. *vajzat e Boboshticës*), а их «славянскость» определяется происхождением — к сожалению, из присутствующих женщин на бобоштенском славянском диалекте (*jazikot kajnas*) говорили только моя информантка и еще одна жительница села, которая выучила его уже в зрелом возрасте, выйдя замуж в Бобоштицу (а ее родной язык — албанский).

В церковь зашли с магнитофоном, где он какое-то время играл, пока его не выключили. Священника не было — в Бобоштице нет своего клира, но по большим праздникам к ним приезжает священник из Корчи или из Тираны. Ключ от церкви хранится у одной из сельских семей. Внутри церкви не совершали общих молитв: все только поставили по одной или по нескольким свечей. Некоторые закручивали несколько свечей в спираль.

Как и в большинстве храмов на Балканах, подсвечники представляют собой противни с песком, стоящие на одной «ноге»-опоре. Затем приложились к иконам (некоторые целовали иконы, некоторые только поглаживали их правой рукой по часовой стрелке (один-два оборота)). Как это часто встречается в балканских храмах, в церкви св. Марии нет солеи, поэтому женщины подходили и прикладывались также к иконам в иконостасе. Иконостас в церкви однорядный, в основном иконы не писанные, а напечатанные на бумаге большого формата.

Затем участницы погасили свечи, заперли церковь и вышли на двор рядом с церковью.

Включили магнитофон, волынщик начал играть и все вновь начали водить хоро (*oro/valle*). Танцы продолжались около 5-7 минут.

Следующий этап праздника — обход села. Все участницы собрались в одну группу (около 15 человек) и пошли по улицам в сопровождении волынщика и магнитофона. У некоторых домов они останавливались, и хозяева приглашали их зайти внутрь, во дворик (только в одном из дворов не было палисадника, и тогда участницы обряда зашли внутрь дома). Затем пелась песня: «*Me dërgoi rrosica*»:

Më dërgoi rrosica për një dorë miell
Të bëjmë kulaçe, të bëjmë pogaçe,
Të ftojme Rristozë.

Меня отправила росица за горстью муки,
Чтобы мы делали калачи, чтобы делали *погачи*;
Чтобы мы пригласили Христа.

Иногда хозяева были где-то в глубине дома, и не сразу выходили: тогда участницы обряда заходили во дворик сами и начинали петь праздничную песню. Хозяева выносили в вазочке или на тарелочке конфеты и раздавали их. Волынщику и мне иногда тоже давали конфеты, но в большинстве домов на подносе выносили две рюмки с ракией.

В одном из домов меня «обнесли» конфетами, а когда одна из участниц сделала замечание, хозяйка сказала: «Он же молодой человек, я вынесу ему ракии». Волынщик выпивал ракию залпом, даже не останавливая игру. После угощения хозяева дома выносили «подарок»: ингредиенты для праздничной выпечки (сахар, яйца, муку, масло). Если хозяйкой дома была одна из участниц шествия, она немного обгоняла всех остальных и встречала их с угощением у входа. Периодически участницы возвращались в дом Э. и оставляли там полученные подарки. Обход села закончился в доме Э. примерно через полтора часа после начала; всего обошли 12 домов. Она рассчиталась с волынщиком, при этом они торговались; в процессе

торга Э. спросила, как его зовут — он был не из этого села — и получила ответ: *Llazi*, православный цыган (алб: *jevshit ortodoks*; кайнас: *ǰupec*). На это она ответила: «Вот так, ты же христианин, а заламываешь такую цену». Однако вскоре они пришли к компромиссу и расстались довольные. Обычно на праздник приезжает и еще один цыган, который играет на бубне (*dajre*), но в этом году у него пали коровы, и он не смог приехать.

После обхода четверо из участниц собрались в палисаднике у Э. и стали сортировать подарки. В этом году они собрали 42 яйца, это средний показатель, хотя в один из прошлых годов было собрано 200 яиц. Участницы стали советоваться, что именно им испечь. Затем они собрали необходимую посуду (в основном широкие противни и тазики).

В тот же день в четыре часа в доме Э. собрались несколько из участниц обряда, чтобы начать готовку. Эту задачу они разделили между собой. Так, Э. должна была приготовить три сдобных пирога — *букуваля* (*bukuvǎl*): муку просеяли через сито, залили кипятком, посолили, закваску не клали. Затем тесто (*kvas*) раскатали тонкой скалкой (*oklajja*), положили на противень и обильно смазали маслом. Для одного противня тесто разделяется на несколько частей (три-четыре) и раскладывается «лепестками» на противне, причем центр перекрывается в несколько слоев, а по краям остается по одному слою. Хозяйка размяла поверхность. Затем *букуваль* поставили на час в разогретую духовку. После этого его несколько часов пекли на плите, периодически поворачивая, чтобы он не подгорел. Перед тем, как подать его на стол, его разделили на куски и посыпали сахаром.

После этого я отправился к моему второму информанту — И. (см. <http://www.youtube.com/watch?v=FTu4YhhSChE>; род. в 1925 г., в Бобоштице). Он много рассказал о своей жизни, и мы с ним заполнили фрагменты моей анкеты, основанной на программах МДАБЯ. Ближе к концу интервью к нам привязались какие-то подростки (мы сидели на завалинке перед домом И.): они сначала долго слушали, а потом стали громко говорить белиберду, в которой проскальзывали отдельные славянские слова (*dobro, dobar den* и прочие): И. назвал их *budalovci* и прогнал. По словам И., в селе нет албанцев албанского происхождения, есть только славяне (их меньшинство); албанизированные славяне; аромуну;

Мои информанты: И. и Э.

албанизированные аромуну. Оказалось, что внучатый племянник И. живет в Тиране, он хорошо владеет кайнас, а сейчас работает координатором албанской программы по ядерной энергетике. Не так давно он ездил с итальянскими специалистами в Антарктиду, где провел девять месяцев.

Вечером мы разговорились с А., племянницей Э. Ее муж в США, а сама она приехала помочь с подготовкой к празднику. В детстве она часто приезжала в Бобоштицу и немного понимает на кайнас. Она рассказала о государственной

политике в области имянаречения во времена социалистической Албании: с одной стороны, вводились новые имена, чаще всего идеологически «выверенные» (*Marenglen*), с другой — запрещались старые, имеющие религиозное значение (как восходящие к христианству, так и к исламу). Чтобы сочетать это с традицией давать имя по дедушке/бабушке, люди давали детям новые имена, которые начинались на ту же букву (а иногда и повторяли часть оригинального имени), но не были связаны с религией (*Vasil* => *Vasjan*). В органах регистрации выдавали специальные списки имен, утвержденные сверху. Мусульмане чаще, чем христиане, использовали новые идеологизированные имена: *Spartak*, *Lenin*, *Stalin*. За ужином Э. сказала совершенно замечательную конструкцию (*trjebi d'i dadvi* 'надо их дать', которая представляет собой поэлементно переведенное с албанского *duhët t'i jepë*).

19 мая

С утра я встретился с информантом С. (1927 г.р., род. в Бобоштице). Он из смешанной бобоштенско-греческой семьи, его жена — албанка из Виткуча (*Vithkuq*). Его дом — в «греческом» стиле, большой, трехэтажный, очень чистый. Такое впечатление, что его жена и дочь убирают дом каждую свободную минуту. В начале беседы жена вынесла две рюмки ракии и розетку с медом. Стены хорошо оштукатурены и выкрашены, высокие потолки, современная мебель, громадный музыкальный центр. С. — «филэллин». Он был одним из организаторов, которые стояли у истоков возрождения Албанской Православной Церкви в начале 1990-х гг. Очень много рассказывал про церковь, про чудеса и явления Богородицы и святых, которые ему посылались. Он говорит на кайнас, но не очень хорошо (в частности, совсем не помнит числительных — их он писал на бумажке и спрашивал меня, как их сказать «по-болгарски»), а где-то после первой трети разговора (и первой рюмки ракии) перешел на албанский и так и говорил до конца.

В час дня начался торжественный обед в местной таверне (алб: *lokal*). К этому обеду Э. с подругами приготовили два букуваля, два зелника (пирог с капустой), три пенджира (*pendžire*) и 130 питуль (*pitul'a*). Пенджир — сладкий пирог с пропиткой (почти торт); питули — несладкие пончики (сахаром посыпают потом, по вкусу). Ритуального запрета на вкушение этой пищи до праздника я не обнаружил: букуваль в доме начали есть сразу после приготовления, а после того, как я пришел от С., Э. угостила меня пенджиром и питулей.

Pendžir

Pitul'a

Zelnik

Блюд было столько, что их пришлось взять на машине. Для обеда была выбрана таверна «Троя», которую сдает в аренду аромунка Вера. Сама она родилась в Дреновене, а ее семья происходит из Пинда. На несколько лет она с мужем уезжала в Грецию, где нанималась работать по дому (алб: *uzmet*). Вера не говорит на кайнас, только по-албански, по-гречески и по-аромунски. Когда я услышал ее имя от собеседников (албанизированные славяне из Бобоштицы, живут и работают в Корче), то спросил: не русское ли оно. Они ответили, что, скорее всего, это сокращение от *Pranvera* 'Весна', но потом сама Вера сказала мне, что у ее мамы была подруга Вера (гречанка с Кавказа), в честь которой ее и назвали. С этой подругой

мама Веры говорила на русском, хотя, по словам Веры, и не очень правильном.

На праздничный обед приехало много людей, которые эмигрировали в Корчу и Тирану. Некоторые приглашенные пришли с мужьями (но их было очень мало). Были и аромунки из села (*çobankje*), всего из участниц праздничного обеда аромунк может быть около трети.

В начале Э. сказала краткое слово (о празднике, что он несет идею добра и обновления, что участницы обряда приносят в дома благо и что в других местах на Балканах этот праздник неизвестен), а затем попросила меня рассказать о том, зачем я приехал в село. Я представился и сказал, что приехал на праздник, а также записывать язык и фольклор Бобоштицы.

В таверне была «живая» музыка: молодой человек играл на синтезаторе и пел песни обычного репертуара для таверн этого региона: *Barbaro Vasiliko*, *O moj Saranda*, *Kush me zbret nga Voskopoja*, *Napoloni* и другие (впрочем, были и другие песни, незнакомые моим соседям по столу, а по причине плохого качества звука — неправильно был поставлен микрофон и расставлены динамики — им иногда даже было сложно определить язык песни). Обед состоял из двух смен блюд: сначала большая тарелка с ягнятиной, капустным салатом, яйцом, брынзой и картошкой-фри; затем заранее приготовленные участницами обрядовые печения: букваль, зелник, пенджир и по две питули каждому.

Во время обеда были и танцы, как традиционные албанские, так и славянские и греческие (алб: *valle*; кайнас: *ora*): *Eleno mome/Elenaqi*, *Barbaro Vasiliko*, *Vangjeli*, *Djemt e Pireut*. Позже Э. и А. рассказали мне, что греческие танцы привезли эмигранты. Кроме того, эмигранты привезли «нехорошую», по словам Э. и А., традицию прилеплять бумажные деньги ко лбу невесты. Раньше на албанских свадьбах деньги давали только музыкантам. Могли давать и невесте, но мало и только монеты. А теперь невесту обсыпают деньгами.

Кроме традиционных танцев были и импровизации.

Сначала Вера и одна гостья (тоже из Бобоштицы, но сейчас она замужем за священником — матушка, *priftëreshë* — и живет в Корче; на кайнас не говорит) представляли иронический любовный танец (<http://www.youtube.com/watch?v=Gsl5CVD3jWQ>): Вера надела шляпу и взяла в руки платок, что должно было символизировать ее «мужской» статус. Ее партнерша представляла собой женщину. Некоторое время они танцевали друг напротив друга (использовались танцевальные элементы *оро*). «Мужчина» (М1) манил «женщину» (Ж1) пальцем, жестом показывая, что хочет, чтобы та «его» поцеловала «всего один разочек» — число он также показывал пальцем; Ж1 отказывалась, строя страшные рожи. Наконец, М1 ее «уговорил», и они сделали вид, что целуются. Некоторое время они танцевали вместе, а потом М1 сделал вид, что больше «не любит» Ж1 и подхватил девушку (Ж2) из-за соседнего стола. Некоторое время они танцевали втроем, затем женщина подхватила еще одну участницу, сидевшую за столом, которая, по всей видимости, должна была представлять мужчину (М2). Тогда М1 «подарил» Ж2 веточку сирени, в ответ на что Ж1 подарила «своему новому жениху» М2 сумочку. М1 жестами и мимикой показывал, что М2 — совершенно никудышный жених, а Ж1 показывала то же самое в отношении Ж2. На этом танец закончился.

По прошествии некоторого времени, когда танцевали обычные *оро*, в дверях таверны, опираясь на палку, появилась Вера, загримированная под нищенку (*lipsarka*). Она вычернила лицо (сажей?) и надела рваную и грязную одежду, а на голову повязала грязный платок. «Нищенка» стала ходить вокруг танцующих *оро* и просить деньги (она протягивала сложенную «лодочкой» руку и показывала пустые карманы). Люди подавали ей деньги и объедки. Наконец, она села посередине *оро* и стала «есть» объедки, которые ей подали, а потом стала танцевать с девушками и женщинами, которые выходили из *оро*, при этом она имитировала ковыляющую походку. Люди прилепляли ей ко лбу бумажные деньги, за что она их «благодарила», воздевая вверх широко раскинутые руки.

Следующий характерный танец был *Pijanikut* '[Танец] пьяницы' (<http://www.youtube.com/watch?v=JzY-8NI8GL8>). По словам Веры, он является иронической версией танца *Osman Taka* (<http://www.youtube.com/watch?v=weEiunbzihk>), который обычно танцуется мужчинами. Они выстраиваются в шеренгу бок-о-бок и крепко держатся друг за друга. Первый (ведущий) в шеренге периодически откидывается сильно назад, почти ложась на следующего за ним и касаясь земли, а равновесие ему помогает удерживать его сосед (подробнее о танце см. Рафтис 1995: 464). Хотя *Osman Taka* и мужской танец, в данном случае его танцевали женщины (поскольку и сам праздник женский, да и мужчин в зале было всего несколько человек). Они имитировали расшатанную походку пьяного. Ведущим шеренги снова была Вера, за которой следовала Тереза — также бобоштенка-славянка, которая живет и работает в селе (но кайнас она уже не владеет). Вера и на этот раз носила мужскую шляпу. Периодически она прикладывалась к бутылке, которую держала в руке, и откидывалась назад, почти ложась на землю. В оригинальный танец *Osman Taka* входит сложная фигура, когда ведущий достает спиной земли, а на грудь ему ступает следующий за ним в шеренге (иногда постилая под ноги платок) — отсюда и эпизод на 32 секунде записи Танца пьяницы, когда одна из женщин кладет Вере на колени платок. Это своего рода ироническая цитата из Осман-Таки.

В тот же день я записывал И.: в основном работали по фрагментам программ МДАБЯ, а после этого он рассказал мне о Мазоне, как тот приезжал в 1933-1934 гг. Мазон вел себя «аристократически», он останавливался в Корче на несколько месяцев в отеле, а в Бобоштицу ездил на взятом напрокат автомобиле. Он не говорил по-албански, а только на «славянском». Именно семья Кунешка (отец И. был сельским учителем) помогала ему в записи и советовала при поиске информантов. Потом А. Мазон прислал им книгу (Mazon 1936): сама книга осталась у брата И. в Тиране, а он снял копию, которую мне и показывал. Он прочитал мне свое письмо, которое он написал брату в Париж в возрасте 8 лет и которое опубликовал Мазон в оригинале и во французском переводе. И. читал по-французски (с очень хорошим произношением), а затем переводил прочитанное на кайнас, так что эту запись можно сравнить с оригиналом письма на кайнас. В книге Мазона он показал мне фотографии своей семьи начала 30-х гг., а на фотографии себя в возрасте 8 лет.

Вечером, уже у Э., мы посмотрели старые записи праздника (2006 и 2009 г.). В 2006 по домам ходило в два раза больше женщин, около 30, но с тех пор очень многие уехали, в основном в Грецию. В 2009 священник служил праздничную литургию; было телевидение, приезжала и глава корчанского муниципалитета. В тот раз Вера переодевалась стариком, и «приставала» к танцующим женщинам. В тот же день мы говорили с внучатой племянницей Э. Она рассказывала о своих любимых книгах: оказалось, что она любит Толстого и Достоевского, и знает наизусть многие стихотворения Пушкина на албанском языке (она их даже прочитала, из них я определил с уверенностью «Цветок засохший, безуханный...»).

На следующий день я взял интервью у Веры. Она и ее муж Павле — аромунуны, их семьи родом из Греции (Пинд), но Вера родилась в Дреновене, а Павле в Бобоштице. Сейчас они сдают таверну в аренду, а живут и работают в Поградце, но часто приезжают в Бобоштицу. Вера немного рассказала про аромунунов, а также про вчерашние танцы. Необычные и иронические «номера» («парочка», «нищенка» — в 2011 г., «старик» — в 2009 г.) она взяла по частям из разных известных ей танцев, в основном из аромунских.

Вечером произошел интересный эпизод: А. (внучатая племянница Э.) и я сидели в большой комнате в доме Э.: А. вязала и смотрела телевизор, а я разбирал собранный за день материал. Как раз в эти дни в Албании происходили волнения, связанные с возможными махинациями на выборах мэра Тираны и с противостоянием Эди Рамы (руководитель Албанской социалистической партии) и Люльзима Баши (Демократическая партия Албании). По телевизору показывали новости, я их не слушал; вдруг А. вскочила, перекрестилась два раза,

направила на экран два расставленных пальца правой руки (указательный и средний — «коза»), произнесла фразу (что-то вроде «Чтобы твои глаза не видели света») затем стукнула экран, на котором в это время выступал один из политиков и выключила телевизор. «Что такое?» — спросил я. «О, просто мне не нравится этот политик, и я его прокляла» — был ответ. Кстати, телевизор представлял собой ультрасовременную супертонкую видеопанель — так странно было видеть его в сельском доме, да еще и в такой сценке.

20 мая

С утра пришел Рико. Он из смешанной албанско-славянской семьи: отец был албанец из Корчи, мать — славянка из Бобоштицы. Родился в Бобоштице. Работал учителем в начальной школе в селе, а также один год — в селе Пустец в Преспе. У него есть дочь, она в Корче, преподает французский в школе. Сейчас он на пенсии. Вспоминал, как учил русский язык в школе. Читал наизусть «Широка страна моя родная». Пытался говорить и на кайнас, но его знает плохо, путает времена, вставляет много албанских слов. Сказал, что в Пустеце выучил много «македонских» слов, но поскольку не говорит на кайнас, то всё забыл. В начале 1960-х гг. он, служа в армии, вместе с еще 20 сослуживцами был направлен в Улан-Удэ на ракетную базу, на 20 дней. До Севастополя они добирались на корабле (около 5 дней), а потом поездом. Он сказал, что в селе его называют «русским», поскольку он очень любит русских, и в особенности Ленина. Впрочем, Сталина и Ходжу он не любит. Его дядя по матери, как и брат Э., был расстрелян без вины. В России, сказал он, очень хороший спорт, а русские очень хорошие люди.

Вечером мы провели последний сеанс с И.: доделали фрагменты анкеты и немножко поговорили на разные темы. При переводе примеров с албанским адмиративом И. весьма неожиданно использовал *л*-формы. Кажется, он противопоставляет адмиратив настоящего времени («классические» перфектоподобные *л*-формы) и адмиратив прошедшего времени (формы типа *imalme* — без вспомогательного глагола), но более точно можно будет сказать, когда я обработаю записи.

Послушав И., я понял — он последний в Бобоштице, от кого еще можно записать кайнас «*taka, kaj šo soj se zborvi*». Э. прекрасно знает фольклор села и даже может использовать кайнас в коммуникации, однако у меня создалось впечатление, что по большому счету ее кайнас — это славянская калька албанской структуры. Можно было бы попробовать на ней анкету, но у меня просто не осталось времени, и в любом случае, в этой поездке самым главным было записывать И. Поскольку значительная часть анкеты построена на переводе с албанского, у меня была возможность заметить, насколько сильно у него иногда структурно различаются оригинал и перевод. Конечно, и на него оказывает влияние албанский (замечательный фразеологический оборот *Me grjej ž'le* = *Me vjen keq* 'Мне жаль'; предложения с прогрессивом *gje* + настоящее время, которые соответствуют албанскому *po* + настоящее время; множество заимствований: лексическая часть анкеты (по балканизмам: МДАБЯ 1997: 70-73) оказалась полным провалом, потому что он почти постоянно выдавал албанские слова с комментарием: *tō esti shqip, žošo vo kajnas nema*). Кажется, кроме «осла» (кайнас *mare*, алб: *gomar*) там больше никаких нормальных соответствий не получилось. С другой стороны, что касается глаголов, то Э. при самой незначительной заминке в речи просто берет нужный албанский глагол и приделывает к нему продуктивный в говоре славянский суффикс *-v-* (*pārdorvi* 'использовать', *kānākvi* 'доставлять удовольствие' и т. д.). У И. запас слов гораздо больше, но если я его ставил втупик очередным вопросом, то он замолкал, сосредотачивался, и выдавал достоверный славянский вариант. Достоверный, поскольку он структурно не совпадал с албанским, но его можно было ожидать, исходя из материала других славянских языков. И в то же время, его нельзя было считать калькой.

Впечатление «аутентичности» говора было несколько испорчено тем, что И. слушает македонское радио. Это очень заметно по тому, как он образует будущее время: иногда проскальзывают македонские формы с *ke*, но при просьбе уточнить И. говорит форму с *ža* и поясняет, что форма с *ke* — македонская. Поскольку и в моей речи часто появляются «македонизмы» и «болгаризмы» (напр., макед. и болг. *kniga* вместо кайнас *filađa*), то И. довольно часто меня поправлял — македонские слова в основном ему были знакомы.

Я слушал Э., и мне всё более казалось, что я оказался в книге Маркеса. Маленькое село, затерянное в горах, через которое паровым катком пронеслась история, не оставив по себе никаких следов, кроме фотографий в рамках и воспоминаний. «Дочери» и «сыновья села» (алб: *djemtë e vajzat e Boboshticës*), которых так разбросала судьба: и координатор албанской программы по ядерной энергии, чьим родным языком стал кайнас, и румынский писатель Виктор Эфтимиу, и Андреа, которого расстреляли по ложному доносу, и его русская жена, которая полтора десятка лет провела в ссылке. Для города Европы (Берлин, Бухарест, Будапешт, Краков, Москва, Париж, Прага и другие) жителей села — не отдаленные точки на карте, а места, где живут или жили их родственники, или где они сами часто бывали. И при этом — глубоко архаичный вымирающий диалект (чего стоят одни только сохраненные носовые или ять, остатки падежной системы), танцы и традиции, которые при всей своей древности были возобновлены только в последние десять лет, женщина, которая проклинает изображение в телевизоре... А вместе получается квинтэссенция того явления, которое можно было бы назвать «балканскостью»: сплав архаики и современности.

Использованная литература

- Антонова-Василева 2009 — Л. Антонова-Василева. Съвременни документи за езика на с. Бобошица, Корчанско (Р. Албания) // Информационен бюлетин на БАН, № 2. Февруари 2009. С. 16.
- МДАБЯ 1997 — Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа / Авторский коллектив: М.В. Домосилецкая, А.В. Жугра, Г.П. Клепикова. Санкт-Петербург, 1997.
- Courthiade 1993 — M. Courthiade. Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, VI. P. 237-326.
- Mazon 1936 — A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du sud. Paris: Librairie Droz, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques – V).
- Steinke, Ylli 2007 — Kl. Steinke, Xh. Ylli. Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München: Verlag Otto Sagner, 2007.
- Ράφτης 1995 — Α. Ράφτης. Εγκυκλοπαίδεια του ελληνικού χору. Αθήνα, 1995.